

ТОМУ уже больше двадцати лет, как появилась пьеса Александра Хмелика «Друг мой, Колька!» — и стала событием в нашем детском театре, ибо доказала, что самая что ни на есть позовская пьеса может быть остро проблемной: до сих пор памятен спектакль Центрального детского театра, поставленный Анатолием Эфросом, бывший «своздем» не одного московского сезона. С тех пор наша драматургия пережила несколько этапов своего развития, открытая публицистика уступила место более сложным художественным решениям, и первая пьеса Хмелика «Гуманоид в небо мыслится» имеет весьма скромное жанровое определение — «шутка в двух действиях». Что ж, шутка так шутка — жанр диктует стиль спектакля, однако не все так просто, как кажется на первый взгляд.

Спектакль поставлен в Центральном детском театре Сергеем Яшиним и поначалу вроде бы ни на что, кроме шутки, не претендует. Милитюк прожестора, крутитя огромное колесо, мальчишки и девочки весело плещт песню на слова Даниила Хармса, и как говорится, ничто не предвещает. Потом мы попадаем в класс, где идет контрольная по математике — и обстановку контрольной, и характеры учеников абсолютно узнаваемы.

А потом возникает опоздавший Лопотухин и объясняет, что он опоздал по вине учителя, который не взял у них во дворе познакомил гуманоидов, и ему, Лопотухину, пришлось выслушать «задержателю», чтобы побеседовать с ними. Учителем является Константин (Т. Надеевич), естественно, считает, что Лопотухин над ней издевается, совет директора, а тот ей влетит высидеть фантазеру как следует на совете дру-

Заметим, что врад Лопоту-

хия про гуманоидов или не врад, так и остается неизменным — зритель должен строить на сей счет любые догадки. А какие догадки может отпустить на сей счет зритель, которому адресован спектакль, школьник среднего возраста? Такие же, в общем-то, как и мы, взрослые (ибо знает он об этом пред-

когда Хмелик писал первую пьесу. Можно спорить о том, хорошо это или плохо, но это так. У них много всего — и астрономия, и космос, и... ну, не любовь, это им еще не по возрасту, но уже что-то вроде: вот Малахова придумывает хитроумнейшую операцию, чтобы комиссия уверовала в гу-

манцев, набиваем и радуемся: сколько же она всего знает, мы в их годы даже и представления не о чем таком же имели. Вот уже с шести лет собираемся отпраздновать их в школу — столько, как поет Алла Пугачева: «Хоть бы сразу взрослым стать, отдохнуть от детства». И вырастают у них, у самых

Исключать Лопотухина, конечно, есть смысл, поскольку его гуманоид взбудоражил всю школу, и первоклассники, как нам сообщают, бегают по коридорам, распевают: «Гуманоид в небо мыслится и кричит: «Бросай учиться!». И вообще происходит большое брожение умов. Однако автор и театр, судя по всему,

А Шафиров, между прочим, даже с Галилеем его сравнивал, поскольку во втором заседании совета дружины Лопотухин пообещал директору отречься от гуманоида, дабы прекратить смуту в школе. И когда, после его возвращения с джинсами, тот же Шафиров спрашивает, в самом ли деле он был на другой планете, допытывается: «Все-таки... Она вертится?», опять же вспоминая Галилея, Лопотухин задумчиво отвечает: «Не знаю, Шафиров... Не знаю...». А над головами зрителей, согласно финальной авторской ремарке, появляется неопознанный летающий объект — в виде глаза, который, так и кажется, подмигивает нам.

Но вообще-то не в этом дело, а в том, что — то ли из иных миров, то ли с ближайшего рынка — принес он цветы Малаховой. Театр не акцентирует этот факт, но и не проходит мимо него — как-никак впервые в жизни человек подарил девочке цветы, это серьезно...

Необходимо еще сказать, что молодые актеры ЦДТ играют этот спектакль весело и увлеченно, но отнюдь не забывая о его серьезном смысле. И еще, что оформила спектакль Е. Качалаева, а музыку к песням написал М. Минков.

И еще нужно сказать, что средний школьный возраст, которому адресован «Гуманоид...», — самый коварный: как для малышей, для них уже нельзя ставить, как для взрослых — еще нельзя. Нужна точная пропорция простоты и сложности, юмора и серьезности. Она в спектакле найдена. Право же, не так уж часто встречаются спектакли, в которых яркая, праздничная театральность была бы самоподменяющей, а столь же прочно связанной со смыслом, как в этой работе ЦДТ.

Ю. СМЕЛКОВ.

ТЕАТР

О ГУМАНОИДАХ — В ШУТКУ И ВСЕРЬЕЗ

мете не меньше нас); скорее всего Землю пока никто из других миров не посещал, но можно сказать все же труд-

но... Так что, когда на совете дружины умный Шафиров (В. Кисленко), член астрономического кружка, заявляет, что сообщение Лопотухина необходимо проверить, то, хотя и не сразу, к нему присоединяются все члены совета и назначают соответствующую комиссию. Правда, председателем Полуэктова (Ю. Захаренко) больше всего привлекает во всей этой истории возможность стать знаменитым и давать интервью корреспондентам — это такой начинающий демалог и бюрократ, который в ранних пьесах Хмелика был центральным отрицательным персонажем, а сегодня драматург уделяет ему не так уж много внимания и места, поскольку ясно, что дело не в Полуэктове.

А в чем? А в том, что у этих мальчишек и девочек сложная и многообразная жизнь, в которой борьба с Полуэктовым и даже, к сожалению, порой учеба занимают значительно меньше места, чем в те годы,

когда (и добивается своего) из-за безответной любви к Лопотухину, о которой он и не подозревает (зато о ней отлично информированы девочки — члены совета дружины; им, так сказать, по должности положено). Эта их жизнь существует в спектакле поверх сюжета и действия, существует по воле режиссера и актеров, точно уложивших ее в пьесе Хмелика. Вот Малахова (И. Бордукова) поет трогательную песенку. Вот Петров (В. Пяничин) под влиянием истории с гуманоидом неожиданно меняются характерами — самоуверенный Петров становится занудой и нытиком, а Вытик Павлов обретает грандиозную уверенность в себе. Что ж, это весьма правдоподобно, и никакого вмешательства прищельца тут не требуется — в этом возрасте все может измениться, растут мальчишки. Вот у Шафирова вырывается крик души: «Что же это мы за люди такие? Почему это мы все можем развешивать и ни во что не верить?». Тутто и затыка обещая — набиваем мы наших детей всевозможной инфор-

мации и эрудированных, этот крик души — если говорить серьезно, именно об этом написана пьеса Хмеликом и поставлен спектакль Сергеем Яшиним. Именно об этом, хотя драматург и шутит с нами, лукаво намекает, что, может, гуманоид и в самом деле приземлился во дворе у Лопотухина. Как же — предсказал ведь Лопотухин с его слов землетрясения в Ашхабаде за сутки до того, как оно произошло. И хотя на заседании совета дружины, посвященном результатам работы комиссии по гуманоиду, выясняется, что все доказательства посещения гроша ломаного не стоят (одни организовала Малахова, другие получились из-за стечень обстоятельств), с землетрясением далеко не все ясно. А тут еще появляется... Гуманоид собственной персоной и уводит с собой Лопотухина, чтобы артефакты из иных миров — как бедному Лопотухину чуть ли не исключение из школы. Правда, гуманоид «капли пота на школь...

относятся к этому брожению одобрительно, видя в нем одно из проявлений детской игры, детской фантазии. И в самом деле, учиться первоклассники все равно будут, никуда им от этого не деться, но когда они приходят в школу еще и для того, чтобы играть и фантазировать, то и учеба идет веселее. Это, кстати, замечено и учеными-педагогами, которые думают сейчас над тем, как саму учебу соединить с игрой.

А Лопотухин тем временем возвращается — то ли из надзвездных краев, то ли просто из дома — и, естественно, снова опаздывает на контрольную по математике, что опять вызывает праведный гнев Аллы Константиновны. Сам-то он говорит, что из надзвездных краев, но тут же прибавляет, что, конечно, никто ему не поверит. Тем не менее рассказывает про жизнь в иных мирах и даже вручает Петрову обещанные деньги, поскольку там деньги обещанные там обещано назавтра. Правда, деньги оказываются из «детского мира», и Лопотухин возмущается: «Вот жулик! Так и норовят приезжего облапошить...».